

В. Г. Виноградский

«Варвары — это те, у кого нет языка»

Валерий Георгиевич Виноградский — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Проспект Вернадского, 82. **Электронная почта:** vgrape47@yandex.ru.

Аннотация: Воспоминания доктора философских наук Валерия Георгиевича Виноградского о лекциях и практических занятиях Геннадия Семёновича Батыгина в Московской высшей школе социальных и экономических наук. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, научное редактирование, стилистика научной речи, Теодор Шанин, Шанинка

Для цитирования: *Виноградский, В. Г.* «Варвары — это те, у кого нет языка» / Интервьюер О. Б. Солодовникова // Пути России. 2023. Т. 1. № 2. С. 63–70.

Ваше знакомство с Батыгиным произошло при необычных обстоятельствах, о чём рассказывается в вашей статье «Стилистическое танго»: уже будучи доктором наук, вы поступили к нему на социологический факультет студентом. И каково было учиться?

Я ведь пришёл в Шанинку не по своей воле, а был послан туда Шаниным, который — после нашей долгой экспедиции по российским деревням — захотел нас всех выучить. И начну, наверное, с первого впечатления от Батыгина, визуального. С первой встречи. Вообще-то выглядел он не очень внушительно: худенький, компактный человек, интеллигентный, спокойный. С внимательным, как бы ощупывающим взглядом. Со всеми говорит на вы, всех называет по имени-отчеству — как потом выяснилось, даже при регулярном общении. И при этом держит дистанцию. Вот это мне кажется важным: дистанцию он всегда держал, но дистанция — это ведь поле действия, в котором возможно совершать поступки, жесты, можно быть принятым и отвергнутым. Помню, аккуратно накануне учебы я выиграл деньги в «Что? Где? Когда?» и купил на них хорошую японскую видеокамеру, на которую активно снимал Шанинку и шанинцев. Так вот Геннадий Семёнович всегда отнекивался: «Валерий Георгиевич, меня, пожалуйста, не надо». Я слушался. И поэтому он почти не попадал в кадр. И теперь жалею, что не настоял. Я при этом был старше его на несколько лет, и он называл меня «казусом»: первый доктор наук, которого надо учить.

Чему, в первую очередь, вы учились?

Здесь мне легко ответить: я учился у него больше всего языку. Хорошему русскому языку. Он был мастер орудования с языком. Сам я — филолог по базовому образованию, в социологию попал волею судьбы, но всегда имел вкус к слову и тексту. И как раз в Шанинке попал на непревзойденный батыгинский курс «Практическая стилистика и литературное редактирование». Вот что надо было писать на видео, так эти учебные занятия... Они неповторимы!

Вот, — заходил Батыгин в аудиторию, садился, смотрел в парту, думал, потом говорил: «Тема сегодняшнего занятия — «точка». Запишите: «Точка». И точку поставьте». Начиналась беседа с бездной содержания, достигавшая своей кульминации, когда Батыгин объяснял, чем отличается точка от точки с запятой. Понятно, что точка — это остановка текста, фразы, мысли. А что такое точка с запятой? Это — тоже остановка, но с оглядкой, когда автор видит и то, что сзади, что уже пройдено, и в то же время глядит вдаль, предвкушая грядущее текстовое полотно....

Возня с языком на батыгинских семинарах осталась самым приятным воспоминанием. Одно из занятий он начал с вопроса: «Знаете ли вы, коллеги, как определяли греки варваров?». Мы, понятное дело,

задумались, девчонки предположили, что по одежде... А Батыгин: «Нет, варвары для греков — это те, у кого нет языка». — «Как нет? — удивляемся мы. — Варвары говорили, например, на персидском языке...». А Батыгин пояснял, что языком в собственном смысле можно называть только публично артикулированную и на общественном месте стоящую мысль. Вот Батыгин и был таким греком, обладавшим на общественном месте стоящей мыслью — языком.

Этим объясняется качество его редакторской работы в «Социологическом журнале»?

Есть такое жеманное выражение «академическое чистописание», мол, надо к нему стремиться. А Батыгин говорил, что у него от такого чистописания скулы сводит, он эту манеру терпеть не мог. «Социологический журнал» эпохи Батыгина — это кладёз текстов, написанных живым, ярким и своеобразным языком. Я потом прочёл интервью Батыгина Мазлумановой [Батыгин, 2003]¹, где он говорил, что газета его интересуется только с точки зрения стилистики и качества оформления полосы, то есть эстетически. «Я её читаю, чтобы следить за изменениями общественно-политического речевого узуса», — не дословная цитата Геннадия Семёновича, но близко к тому. Вот вам пример взглядывания «грека с языком» в тексты «варваров без языка». Батыгина всегда интересовало соотношение узального — привычного, расхожего и поэтому всего стёртого и «разношенного» в языке, с окказиональным — индивидуальным, своеобразным, сверкающим яркими гранями. Он стремился, чтобы индивидуальное в тексте раскрылось. Ведь в чём ещё дело? «Чистописание» фальшиво. Я уже позже прочёл очень «батыгинскую», как мне показалось, мысль у Мераба Мамардашвили: «Будучи юношей я ничего не знал реально о том, что происходит в обществе, я не знал, как оно устроено, но я чувствовал только одно, что язык газеты не может быть языком действительности; само качество языка было для меня впечатлением, оно магически на меня действовало, вызывало ясность сознания, что таким языком правды не изъяснишь» [Мамардашвили, 2015, лекция 11]. Вот оно что! На занятиях по практической стилистике Батыгин не просто натаскивал нас, как собачек, иметь нюх к языку, но прежде всего показывал, каким языком можно излагать, изъяснять правду.

Вы отчасти упомянули, как проходили эти занятия. Но, может быть, есть какое-то особенно яркое воспоминание о своём «открытии» в языке, радости узнавания нового?

Я вам расскажу про наши, постоянно практикуемые на занятиях, контрольные процедуры. Дело в том, что у Батыгина был уникальный инструмент. Он так и назывался «контрольные задания по

курсу «Практическая стилистика и литературное редактирование». Это были листки с текстами стилистических заданий-загадок. На титульной странице был замечательный, исполненный аристократической вежливости, текст:

Уважаемые коллеги! Позвольте предложить Вашему вниманию [вот она, батыгинская любезная корректность и дистанция!] текстовые примеры, которые могут содержать [предполагалось, что могут и не содержать! То есть — держите ухо востро!] различного рода стилистические, лексико-семантические, синтаксические ошибки. Прошу Вас по возможности самостоятельно [с какой предупредительностью и уважением к студенту это писалось!] осуществить редакторскую экспертизу и исправить их, продемонстрировав при этом умение пользоваться корректорскими знаками, которые в этом случае рекомендуется выносить на левое поле. Следует указать тип ошибки: например, аллитерация, ассонансы, немотивированное использование омонимов, паронимов и неологизмов, контаминации, неправильное согласование и управление, etc. Пожалуйста, учитите, что в одном предложении могут содержаться несколько ошибок.

Уже эта служебная преамбула многое говорит о преподавательском искусстве Батыгина. Ведь он здесь буквально затягивает во внимательную работу, разбуживает редакторский азарт и образовательную соревновательность. Каждый слушатель хочет отличиться! И вот перед нами само это контрольное задание — больше 70-ти текстовых фрагментов, в отношении которых нужно осуществить поиск ошибок и исправить текст.

И я прямо сейчас попробую вживую сыграть Батыгина — проверю Вас, Ольга, насколько развито Ваше лингвистическое чутьё. Читаю одну из фраз с первой страницы инструмента.

Ещё никому не удавалось закончить подготовку эссе к концу семестра.

Что тут не так? Причем здесь не одна ошибка.

Мне не нравится словосочетание «закончить подготовку»...

Ну, вот, Вы «верхним чутьём» уловили суть. Уловили, но ошибку не отыскали. А она элементарна. Мы наблюдаем здесь своего рода разнесённую тавтологию, удвоение корней — «закончить» и «к концу». Но это — простая часть задания. Есть и другая ошибка, и она позаковыристей. Она обнаруживается, она слышна, когда ты громко произносишь эту фразу. Давайте прочтем её, с уже исправленной первой ошибкой:

Ещё никому не удавалось завершить подготовку эссе к концу семестра.

Слышите артикуляционное неудобство, неловкость?

Будто бы «к концу семестра» странно звучит.

Ну, конечно! Чтение вслух делает слышным звук, который называется взрывным — это звук «к». И здесь два взрывных звука стоят рядом, они мешают артикуляционному аппарату человека нормально работать. И вы инстинктивно заменяете один из них на другой, проходной звук: вместо первого «к» говорите «х». А как это исправить? Простая вещь: между двумя взрывными звуками поставить гласный: не «к концу семестра», а «к окончанию семестра» — и всё, фраза стала благозвучной, льющейся.

Вот вам чудесный батыгинский урок, где всё объясняется на конкретных примерах. Ну кто бы, не имея батыгинской дотошности и вкуса, стал бы обращать внимание, что в приведённой фразе не одна, а две ошибки? А тут вдруг сама материя языка начинает — на твоих глазах и в твоих ушах — взрываться, саморемонтироваться. И ты видишь, что узальный, привычный способ произнесения может быть ошибочен, понимаешь, как заменять его другим, сознательно отобранным. И так во всем...

Вот, скажем, пример из социологического дискурса: «В переходных обществах, как правило, доминирует нисходящая мобильность». Что скажете?

«Доминирует» и «нисходящая» — два этих слова спорят между собой.

Прекрасно — мы мгновенно расшевелили наш языковой вкус — спасибо профессору Батыгину! Мысль-то здесь понятная, и вполне рутинная, но что здесь стилистически неверно? Тут рядом располагаются два противоречащих одно другому слова: «доминировать» — это всегда восходить, возрастать, подниматься. А «нисходить» — ровно обратное. И даже если по сути всё здесь оказывается правильным, сам язык посмеивается над автором.

В уже упоминавшейся статье «Стилистическое танго» вы пишете, как нашли ошибку в батыгинском тексте: неверное цитирование Пушкина. Вместо «зачем крутится ветр в овраге» Геннадий Семёнович написал: «Зачем кружится ветр в овраге». Но то, как он признал свою неправоту, видимо, многого стоило...

Я вам не могу передать того впечатления, которое произвело на него моё «разоблачение». Он бил себя по голове, закусил рукав, кланялся... В общем, это было что-то незабываемое.

Геннадий Семенович был тонким, интеллигентным и очень бережным к студентам человеком, учителем. На него нельзя было смотреть без уважения. Как мастер-столяр или шорник, как искусный кузнец учит своих подмастерьев мелким ухваткам ремесла: как тут загнуть, а там растянуть, как сладить вместе отдельные детали — так и он учил нас. Ведь без такой школы невозможно стать мастером. А язык — это поразительная, одновременно и нежная, и брутальная материя, удивительный шуточно-серьёзный мир, самый близкий и дорогой человеку, особенно пишущему.

А вот другая батыгинская ипостась — как историка социологии — была вам менее близка?

Я на неё меньше обращал внимания. Не знаю, почему. Думаю, изначально был больше погружен в стихию языка в связи с только что завершившимся трехлетним шанинским проектом, когда я записывал и изучал дискурсы крестьянской повседневности. Это мне было интересно в первую очередь.

Помню, была лекция по методологии, на которой Батыгин рассказывал про триаду Новака, и ещё что-то подобное. Но, как сказано: «Не входила глубоко в умы мятежная наука» (Пушкин). После занятия Батыгин подошёл ко мне и сказал: «Валерий Георгиевич, у вас было такое выражение лица — просто ужас был на нём написан». Видимо, что-то такое присутствовало: он замечал и не мог не реагировать на моё остолбенение перед социологическими премудростями.

Был как-то ещё случай: он иногда брал наши тексты и подвергал их стилистическому разбору, не оставляя камня на камне от написанного. И вот, я решил подсунуть ему расшифровку одного из своих самых интересных нарративов — рассказа старой крестьянки Антонины Михайловны. Вспоминаю этот поступок, и до сих пор мне как-то неловко за него. Дело в том, что в её рассказе присутствовало одно обценное слово. Ну как обценное — самое слабенькое из возможных, не грубая матерщина, а некая имитация. Батыгин взял этот текст от меня, не глядя, распечатал, раздал студентам и стал читать. И вот, когда он дошёл до этого слова... Он сказал что-то вроде «Валерий Георгиевич, ну как-то это...» В общем, он страшно засмутился — я до сих пор помню его лицо.

Это интересная деталь: часто противники одной крайности — «чистописания» — бросаются в другую — «грязноговорения». Мол, вот вам экспрессивность и краски. Батыгин во всем оставался интеллигентом, или греком, как вы заметили.

При этом он уважал деревенскую культуру. Например, ему очень нравилась манера, которой я научился у крестьян: любое случайное,

попутное, ситуативное застолье надо проводить так, чтобы закуску можно было брать руками. стакан и рука — всё. Когда у нас случались такие застолья в закутке шанинской библиотеки, кто-нибудь из студентов ходил на Тропарёвский рынок и по моему наущению покупал самую простую снедь: капусту квашеную, огурцы, сало — что-то, что можно взять без ложки, вилки и даже тарелки. Батыгин в таких мизансценах всегда приговаривал: «Вот это правильно! Не надо разводить тут посуду. Хорошо, когда просто и лаконично».

Если вспоминать годы учения в Школе, Батыгин в моей академической судьбе и человеческой памяти занимает свое особое место, рядом с Теодором Шаниным. Шанинские времена с точки зрения учёбы — это, можно сказать, самый счастливый период в моей жизни, самый содержательный и наполненный её отрезок. Когда я читаю «В поисках утраченного времени» Пруста, меня больше всего впечатляет ощущение того жизненный потока, в который погружает тебя автор. Годы в Шанинке, рядом с Шаниным и Батыгиным — это, в сущности, и был тот плотный, непрерывно текущий, исполненный радостей и огорчений жизненный поток, который оказался как раз «обретённым временем».

Вы обсуждали с Батыгиным ваши научные интересы, изучение крестьянства?

Я жил в общежитии МГПУ, куда от Юго-Западной надо было идти где-то 1,5 километра, и часть пути — до того места, где Батыгин садился на автобус, чтобы ехать к себе в Очаково — у нас с ним совпадала. Пока мы шли, я как раз рассказывал о своих научных интересах, а он давал комментарии. Помню, он советовал мне заняться «чужаками» — то есть такими исследователями, как я, в восприятии деревенских жителей. Его очень интересовал вопрос: «Когда Вы работали в деревне, крестьяне Вас принимали как своего или нет?» Мне помнилось, что принимали: я частенько старался помогать им в их нехитрых трудах и, вообще, старался не отличаться от них в обиходном жизненном режиме.

Помню, больше иного Батыгину понравилась одна моя коммуникационная авантюра. Когда я приехал в деревню, там всю функцию выполняла своя колхозная пекарня. Теперь там, как водится, холодные развалины. Но тогда она была одним из центров деревенской жизни. И мне пришла в голову простая мысль: чтобы сразу и естественно войти в деревенский социум, где мне предстояло долгое время социологически трудиться, я попросился в пекарню на работу. Меня взяли. Дело было простое: в 4 утра начинали печь хлеб, к 6–7 утра он уже был готов, и требовалось высаживать его из жестяных форм на деревянные поддоны, чтобы потом подавать их к окошку для продажи. Деревенские меня тотчас углядели и давай спрашивать пекаря: а кто это? Хлебопёки рассказали, как я к ним попросился помогать, и что хочу собирать истории

о деревенской жизни. В результате меня мгновенно, за одну неделю узнала вся деревня, и когда я приходил к кому-то с диктофоном — все были только рады. Батыгин тогда заметил, что это очень полезный ход. Иногда он делился чем-то своим. Скажем, много статей, которые приходили в его журнал, он давал мне для контрольного чтения. Я с удовольствием ими занимался, предлагал свою правку...

И мне кажется, самая лучшая моя статья тоже вышла в «Социологическом журнале»: она начиналась теми же словами, какими и кончалась: «Орудия слабых...»³. Батыгин заметил, что это высший пилотаж — закольцевать и мысль, и текст. До сих пор верю, что это мой лучший текст, и что все-таки что-то я сделал, что могу предъявить как достойный ученик большого мастера и чудесного преподавателя, Геннадия Семеновича Батыгина.

Литература

1. **Батыгин, Г.С.** «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
2. **Мамардашвили, М.** Психологическая топология пути. Том 1 / Ред. состав. Е.М. Мамардашвили; Коммент. И. К. Мамардашвили, А.А. Парамонов. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015.
3. **Виноградский, В.Г.** «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских хозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3–4. С. 36–48.